

Между бытовым пьянством и хроническим алкоголизмом есть тонкая разница. И правда, ну кому приятен опустившийся алкоголик, требующий по утру тридцатку на опохмел у первого, кого он увидел? Он противный, хронический алкоголик. Он дышит перегаром, курит дешевые сигареты, ему все равно, что пить. Он может поднять руку не только на жену, но и на любую женщину, попадись таковая ему на пути в момент тяжелого похмелья. Он – персонаж, чуждый современному обществу и заслуживающий повсеместного и строго порицания. Помните, как в школе? Все дружно пальчиком показываем и говорим: "Фи!"

Бытовой пьяница, он совсем другой. Он изящен, он красив. Он в меру ехиден и в меру же эрудирован. Он точно знает, что Кальвадос, которым он набрался до зеленых чертей вчера, это совсем не мексиканская бормотуха, как следует из звучания, а напиток благородный, придуманный и взлелеянный во Франции и по сути мало отличающийся от коньяка.

Бытовой пьяница – любимец женщин. Просыпаясь утром, он помнит, что сперва надо почистить зубы, потом взять подушечку "Орбита", потом, не вынимая жвачки, чмокнуть ту, которая лежит на постели (вспоминать имя не обязательно) и спросить: "Дорогая, ты не против, если я закажу на твою карточку кофе с коньяком". Согласитесь, как же разительно это отличается от требования тридцатки хроническим?! Это изящно, это красиво, это гарантирует положительный ответ.

Ну какая дама не захочет кофе в постель? Ну какая дама догадается, что для него главное в кофе это совсем не она рядом и даже не сам кофе, а коньяк. Более того, ни одна из дам не захочет думать, почему он ее будит в восемь утра, когда безумие ночи закончилось всего два часа назад. Просто не сможет думать. И поэтому согласится.

А он дрожащей рукой наберет номер румсервиса и потребует, дав номер ее кредитки, коньяка и кофе. На всякий случай 300 и две чашки, "нет-нет, не беспокойтесь, нальем сами". Он, завернутый в не по размеру халат, тихо откроет дверь обслуге, даст на чай (если найдет, то, конечно, свои), примет поднос и жадно присосется к склянке с коньяком. Потом формально спросит "дорогую" про кофе и, не услышав ответа, допьет заказанную трехсотку.

Только после этого руки его перестанут дрожать, только после этого он попытается (и не сможет) вспомнить имя той, которая так великодушно пожертвовала свою карточку на улучшение его самочувствия, только после этого он ляжет рядом с ней на кровать и как-то нечестно, не по-настоящему, попытается обнять.

То ли дело – хронический алкоголик. Он даже не будет пытаться никого обнимать, потому что это ему не нужно. Он выше этого, он честнее. Он не врет. Он знает, что

женат исключительно на водке, а все остальные женщины – источник денег на опохмел, не более того. Точнее, не то чтобы знает, просто он с этим уже смирился.

Он не считает свои заслуги в постели заслугами, он не переживает по поводу неудач. Он вообще ничего не считает. Он живет днем, вернее – утром. И он упрощает все до крайних случаев, до граничных условий, проспиртованным мозгом своим точно зная, сколько граммов и чего нужно принять, чтобы пропала проклятая зелень в глазах, чтобы тошнота отпустила, а жизнь начала интересоваться настолько, чтобы задуматься о препровождении ближайших ее нескольких часов.

Он помнит, его учили, что любая система стремится к минимуму энтропии. Это знание открыто и доступно ему и сейчас, он освоил его в совершенстве и не спорит с законами природы. Именно поэтому он не спрашивает про кредитку и не использует дешевые приемы обольщения, а сразу требует тридцатку на опохмел.

Он все знает. Он смотрит на изящного любителя изысканных вин и дорогих любовниц и улыбается ему. Он понимает то, что не понимают другие: между ними дистанция меньше, чем в шаг. И он – предсказатель судьбы, оракул, чьи слова больно стучатся в возбужденном мозге стареющего Дон Жуана и ценителя бытовой роскоши: он тоже был таким, он тоже не помнил имен и хранил несколько фотографий, он тоже рассуждал о литературе и искусстве, забывая имена художников и придумывая такие повороты сюжетов, которые не пришли бы в голову ни одному автору.

Он тоже был. И он оставил это в своем прошлом. Он совершил свой переход и теперь по утрам ищет тридцатку на пиво, а вечера предпочитает проводить с такими же, как он сам. И он знает, что иначе быть не могло, потому что нарушился бы фундаментальный Закон природы и в одной отдельно взятой физической системе произошел бы скачкообразный рост потенциальной энергии.

А это, как цепная реакция, привело бы к росту энтропии. И мир перестал бы существовать, развалившись на мириады крошечных частиц. Но этого не должно случиться никогда, он это знает, и он знает, как спасти мир от катастрофы...

Он подмигивает своему менее умудренному коллеге, только что позвонившему в румсервис и, дыхнув на него перегаром, протягивает початую бутылку пива. "Коньяк вредит", - усмехается он, подавая ему четырехзначный счет, оформленный на ее карточку.